

ПОИСТИНЕ СТАЛ ОН УСТАМИ ТУРКМЕНИИ

ОТМЕЧАЕТ ВСЯ РЕСПУБЛИКА

3 АВГСТА, в театре им. Сталина, состоится торжественное заседание общественности столицы, посвященное 225-летию великого Махтумкули.

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ филармонии, артистами которой будет дан концерт для участников заседания, идут последние репетиции. В основе концерта — творчество Махтумкули. Народные бахши исполнят песни на его слова, а также песни и хоры в прозведении туркменских современных композиторов. Народный артист СССР Аман Кулямедов будет читать стихотворения Фраги. Соединяются артисты филармонии из областей Туркмении: три туйдукчи, певцы, музыканты, танцоры.

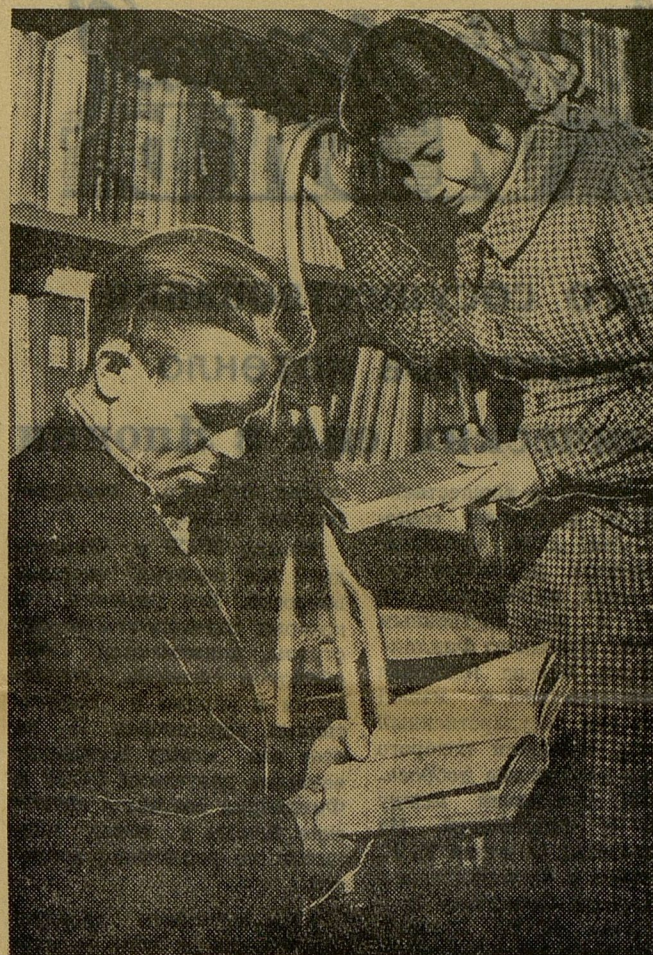
В СЕ республиканские, областные, городские газеты выпускают специальные юбилейные номера. Нет в республике библиотеки, которая не организовала бы выставки, посвященные этой дате. Состоится чинительная конференция по творчеству великого туркменского поэта и мыслителя.

В АШХАБАДСКОЙ государственной киностудии будет выпущен киножурнал о Махтумкули. Режиссер Аймурад Гекленов, операторы В. Лавров, В. Гукасов, Р. Непесов познакомят зрителей с местами, где жил и работал поэт: Кара-Кала.

Копет-Даг, Хива. Покажут подготовку к юбилею ученых, композиторов, художников, в частности, работу композитора Курбана Кулиева над симфонической поэмой «Махтумкули», фрагменты художественных выставок в музее изобразительных искусств, выпуск книг Махтумкули на Ашхабадском полиграфкомбинате. Кроме того, студия «Туркменфильм» выпустила киносборник, посвященный проведению юбилея в столице, областях, районах республики.

В ГОСУДАРСТВЕННОМ музее изобразительных искусств подготавливается выставка произведений художников, графиков, скульпторов о Махтумкули. Здесь три картины Айхана Хаджиева — «Несогбенный», «Махтумкули», «Махтумкули в ювелирной мастерской»; плакат Брусенцева «Объединенный народ одним тольпаном цветет»; картина студента Московского института им. Сурикова Чары Амангельдыева «Молодой Махтумкули читает свои стихи отцу Азизу» и другие работы, отражающие жизнь и облик поэта-мыслителя.

С ОСТОИТСЯ юбилейная сессия в Академии наук ТССР, а 28 ноября в Кара-Кала, на родине поэта, пройдет выездная сессия АН ТССР, посвященная замечательной дате.

Оживленно в эти дни в Ашхабадской библиотеке им. Махтумкули. Произведения великого туркменского поэта пользуются большим спросом. НА СНИМКЕ: библиотекарь М. А. АМАНОВА выдает сборник Махтумкули шугаттуру ПЧСТР Виктору СОБОЛЬ.

Неисчерпаемый источник

Еще в годы войны, когда учился в Московском художественном институте им. Сурикова, начал работу над созданием образа великого Фраги. Десятилетиями, наброски, эскизы... Назалось бы хорошо знакомое его произведение, каждый раз открывал что-то новое, незамеченное раньше. Пришлось посетить в библиотеке, изучая архивные материалы. Когда портрет был создан, я послал его на конкурс на лучшее воплощение образа классика. А приехав на каникулы, узнал, что портрет прошел по конкурсу первым. Окончательный вариант его находится сейчас в Музее изобразительных искусств ТССР.

Но образ поэта не оставал меня. Ведь необычайная многогранность, полная мужества, сложная жизнь его — неиссякаемая тема для поэтов, художников, композиторов! Когда началась подготовка к празднованию 225-летнего юбилея классика туркменской литературы, я вновь вернулся к этой теме. Ездил на родину Махтумкули в Кара-Кала, беседовал с

Айхан ХАДЖИЕВ, художник.

ТЕАТР

ПАМЯТНИК ПОЭТУ

...И в зале, и на сцене — полная темнота. Тревожно и глухо играет оркестр. Тревога растет, растет, и вдруг трепетно и смятенно взлетают вывесы гремющих звуков фанфар — беда! И на самой высокой ноте, сливаясь с фанфарами, слышится чей-то сильный и ясный голос: «Остановитесь!» Две неяркие вспышки боковых прожекторов выхватывают из темноты многофигурную композицию — группа вооруженных людей и несколько дехкан с лопатами и палками, а в центре, престоерегающе подняв руку, тот, чей окрик остановил кровопролитие... Махтумкули. Люди застыли в тех позах, в которых застал их возглас поэта, и с полминуты живут на сцене эта живая скульптурная композиция с фигурой Махтумкули в центре. И ты ловишь себя на мысли, что эту или подобную ей композицию хотелось бы увидеть в камне, в мраморе — барельефом на постаменте памятника поэту...

Вероятно, постановщик спектакля «Махтумкули» в академическом театре драмы режиссер Я. Фельдман был далек от этой мысли, он просто искал — и счастливо нашел — сценически броское, динамичное и по мысли и по форме начало драматического повествования. Но так или иначе свойство подлинного искусства: решая как будто бы очень частную задачу ввода зрителя в суровую атмосферу трагического спектакля, эта скульптурная композиция в какую-то минуту вырастает в интересное и яркое художественное обобщение. И воспринимается уже как своеобразный, очень четкий по мысли и строго выверенный в деталях живой памятник великому, гуманному, защитнику униженных и оскорбленных, человеку, отдавшему людям всего себя — разум, сердце, поэзию.

И однажды возникшее, в самом начале представления, ощущение яркой монументальности, масштабности, оптического размаха не покидает тебя уже до конца спектакля. Ты уходишь из театра, и долго еще в тебе самом звенит торжественная светлая мелодия марша, завершающего спектакль (хочется назвать его маршем единства), и сердце бьется трепетно и радостно от сознания, что тебе довелось присутствовать при рождении чудесного сценического памятника великому Махтумкули.

Новая постановка академического театра драмы — работа значительная, интересная, одна из тех, что впоследствии становятся вехами в творческой истории коллектива. В этом многоплановом и сложном многообразии удач — и режиссерских (наподобие той, с рассказом о которой начинается рецензия), и актерских. Порадовал нас своим умением проникнуться духом трагедии, знанием эпохи и быта, своим филигранным мастерством и художник Е. Кордиль. Его декорации, право же, не хочется определять сухим и казенным словом — «компонент» спектакля. Нет, не «компонентом», не «фоном» является оформление, снажение, первого акта — село Геркез, родина Махтумкули. Подернутые сиреневой дымкой далекие горы на горизонте, стройная и светлая крепостная башня и развалины стены на втором плане, огромное голубое небо, опрокинутое над прекрасной землей, и этот могучий чинар, в тени которого так уютно сидеть поэт, — все это с тонким вкусом написанного пейзажа трудно представить себе Махтумкули. Это родина его поэзии — поэтическая и прекрасная. Интересно, с хорошим чувством меры и такта решены в декорациях эпизоды во дворцах хана Хивы и шаха Ирана...

К сожалению, размеры газетной рецензии не дают возможности подробно, как они того заслуживают, поговорить о режиссуре спектакля, о талантливой работе художника и композиторов Х. Алланурова и М. Равича, написавших музыку к трагедии Б. Кербабаева.

В пьесе Б. Кербабаева бьется живая и трепетная мысль о долге человека перед народом, о признании поэзии, о ее месте в жизни и борьбе народа за свое освобождение, о месте поэта в годину народных бедствий. И эта мысль, воплощенная в образе Махтумкули, легла в основу и пьесы и спектакля.

Махтумкули по самому складу своей натуры, щедрый, одухотворенный и глубокий, был искателем — искателем и «жемчуга слов», и социальной правды. Было бы наивно сейчас искать в его поэзии, в которой очень сильно философская струя, определенной революционной программы переустройства общества. Но, великий гуманист и правдоискатель, он своей поэзией обличал соци-

альное зло, в гневных инвективах срывал маски с ханов, с представителей родовой знати, с мullah и ишанов. Непримиримый с врагами, сердечный и мудрый с простыми людьми, щедрый сердцем в любви, неустойчивый в споре, лукавый и остроумный собеседник на праздничном томе — таким встает образ Махтумкули со страниц своих книг.

Таков поэт в пьесе Б. Кербабаева, такого человека нам хотелось бы увидеть и в спектакле академического театра драмы. Надо отдать справедливость исполнителю этой роли — Аману Кулямедову: все это у него намечено, правда, порою едва заметно. Его поэт, может быть, и сердечен, и мудр, и остроумен — на это в образе есть глухие намеки. Но все это еще довольно тщательно скрыто от нас, все это подавлено одной чертой, усиленно выпячиваемой Аманом Кулямедовым — это величие. Величие при любых обстоятельствах, величие во что бы то ни стало, даже в ущерб чуждости образа. Махтумкули торжественно-величав с посланцами хивинского хана, он холоден и даже надменен с иранским шахом (в обоих случаях не этих красок требуют обстоятельства), он считает ниже своего достоинства говорить с Нобат-ханом иначе, как тоном величайшего презрения. Но почти так же холодно-величав и недоступен Махтумкули и для своей Менгли, которую, если верить словам, он страстно любит. Да не любит он ее! Ни одного слова, идущего от сердца, ни одного жаркого взгляда, ни трепета при встрече, ни настоящей человеческой боли в разлуке. За произносимыми словами нет глубокого и сильного чувства. Так величие, став основополагающей чертой образа, несколько искажает его.

Пусть нас поймают правильно: образ поэта, созданный А. Кулямедовым, правдив и интересен, он несет в себе большую мысль: только человек, отдавший всего себя служению людям, — счастлив, только поэзия, поднимающая людей на борьбу, — бессмертна. Но мы ратеем за то, чтобы образ поэта был не так однообразен, каким он представляется нам сейчас, был ярче, многограннее, богаче, шедше и — проще. Ведь в конце концов, подлинное величие — в простоте, а не в каменной статуарности, от него не должно веять холодком.

Байраммамед ТАЧМАМЕДОВ.

ПОЭТУ

Ветер жизни суровой ты смело вдыхал,
Ты скопил необъятное поле созвучий.
И народу дестанов сны на века
Ты вручил как подарок сердечный и лучший.
Не утратится свежесть и прелесть стиха,
Никогда не замолкнет твой голос певучий,
Ты — богатство и слава туркменской земли,
Сын народа, Махтумкули!

Нургельды СЕЙТЛИЕВ

СОНГИДАГ

Тихий туман на вершине прилеж...
Там, среди круч, он бродил одинок,
Слыша поэта задумчивый шаг,
Песни души понимал Сонгидаг!
Страстно им вторило эхо вдали
Шепотом нежным прекрасной Менгли.
Если слезой его голос дрожал,
Скорбно молчали и выступы скал.
Ныне сижу я в долине твоей.
Пеною бьется о камни ручей,
Шумно чинары листвою шевелят —
Ярок земли обновленной наряд.
Все говорит здесь о думках Фраги
Словно на тропках не смолкли шаги,
Словно на камнях следы его ног
В вихре веков Сонгидаг утер! —
Нет, Сонгидаг рабски не гранит
Славных слезов на себе не хранит...
В сердце народа любимым поэт,
В песнях — его нестираемый след!
Перевод с туркменского Н. НИКИНА.

Хочется верить, что большой мастер сцены А. Кулямедов сумеет в дальнейшем найти новые краски, чтобы развить образ, прибавить к достоинству и сдержанности поэта еще — и умение волноваться, радоваться, горевать, быть сердечным и даже наивным, если хочется. Быть поэтом — этим все сказано...

Мы так требовательно говорим об образе Махтумкули не потому, что он плох, а потому что нет предела хорошему. И в возможностях и театра, и актера достичь лучшего.

В этом спектакле очень интересно выступила молодежь. Это прежде всего относится к Лизе Караевой в роли Менгли. Еще несколько угловатая и чувствующая себя на сцене словно (Лиза — не актриса, а учащаяся студия при театре), девушка поразила нас удивительно мягким, лирическим проникновенным исполнением роли возлюбленной поэта. Ее Менгли — кристально чистая и бесконечно женственная натура; трепетная и хрупкая, она может быть неожиданно твердой и мужественной (например, в блестяще проведенной сценке с иранским шахом). Наивная девочка, она вдруг оборачивается мудрой и глубокой натурой — такой ее сделала любовь. Любовь озарила ее, открыла ей не только радости, она открыла ей не только горе и бедствия. И любовь поднимает ее на подвиг: в сцене темницы Менгли — Караева — это уже сознательный борец за счастье народа, она готова принести себя в жертву, дабы спасти поэта — для Родины, для народа. Это преобразование Менгли из наивной девочки в сознательного борца убедительно раскрыто в игре Л. Караевой. Образ Менгли — интересная, полноценная творческая заявка будущей актрисы.

Поддержать Менгли и Шемшат — ее роль исполняет тоже студийка Э. Оразмуродова. Играет она открыто, одухотворенно и трудно не поддаться обаянию ее юности и безыскусственности. Шемшат — человек страстный, мечтательный и мужественный, и эти черты

Друзья, у меня любимая есть, живет она вдали.
Но славу о ней по всей земле влюбленные разнесли.
(Махтумкули).

Ветхая кибитка, отнесенная на самый край небольшого аула, стояла наклонившись над узкой пыльной дорогой. По той дороге с рассвета в сторону Зеленой долины проносились на степных скакунах усадебные джигиты Сейидбая. И каждый раз поднимавшаяся из-под копыт непроницаемая пыль долго и тихо оседала на старые обрывки серой кошмы, которая обтягивала кибитку. В лунную ночь незнакомому путнику ничего ни стоило ошибиться, приняв ее за белый дом бая.

Менгли, живущей выше по течению арыка, нравилось брать здесь воду. Легко ступая, она подошла к арыку. На песке остались грубые, как кости, кефиры — туфли. Нежные босые ножки ступили на зеленый чинар, густой, росший у арыка. Присев, она сняла с худенького плеча кувшин и опустила в струи. Вода забулькала в его тонком горлышке. Кувшин стал тяжелеть. Но взор больших ее глаз застыл на дрожавшем в арыке диске луны, а сердце жадно прислушивалось к близким ударам, то звонким, то глухим, доносившимся из запяленной кибитки. Слышался звон серебра и меди. То ювелир расплещивал алмазы — украшение байских невест.

Давно простой дехканин мог почувствовать его искусство: удары по серебру и наковальне повторялись через одинаковый промежуток времени, с одинаковой силой: удар — звон, удар — звон... При каждом ударе у Менгли вздрагивали черные как агат косы, лежащие на ее высокой девичьей груди. Кажется, эти удары раздаются не там, а здесь. Они наносятся крошечным молотком по маленькому сердечку Менгли. А беспрестанный, жалобный звон серебра — это вскрик ее же сердца. Вот опять: удар — звон, удар — звон... Нет, то стучит больше, как у льва, сердце, то бьет живой пульс под пальцами Менгли, пульс дорого-

го и любимого человека. Неужели сердце не горит, неужели оно спокойно? Почему он заставляет ее так долго ждать? Ведь ее заметят, заметят и запылят. А позорение к молодой незамужней женщине, известно каждому, пахнет кровью. Но зато никому неведомо, как Менгли жаждет послушать бием этого сердца, послушать близко-близко, рядом со своим, прижавшись к широкой груди.

Вдруг перед глазами Менгли поплыли разноцветные кружева, и в мелких волнах она увидела широкий, как ластовица Гургена, чистый лоб с бусинками пота, черные мягкие усы под горбатым носом, большие мужественные губы и выгнутой боковой перед красивой бородой. Человек одной рукой поднимал кувалду и другой, придерживая в тисках кусок серебра, с силой бил по нему. Раздался глухой удар и звон, опять удар и звон... О, если он хоть на миг отвернет свой взор и взглянет на нее, Менгли не выдержит.

На лбу человека показались хвостинки, и к Менгли подлилась горсть кем-то пуценной по арыку соломы. Она очнулась, как от сладкого сна. Плыла «граница» — мерка воды. Доливает соломой до земли дехканя и не пущай к нему воду. Хватит ли ее для полива — никто не спросит. И где-то кусочек земли останется так же, как и Менгли, не утолвшимся своим жаждущим...

Менгли подняла голову и оглянулась. С гор под лав соблаку спускались вечерние сумерки. Далеко на скале блестя звездочка: чабаны готовили ужин.

Сколько Менгли просидела?

Надо немедленно уходить, Махтумкули... не пришел! Менгли встала. Но в это время из кибитки донесся женский голос, нежный, лирический. Менгли по голосу узнала и маленькие губки, вздрагивавшие, сжимались до боли.

Менгли не заметила, как подошла к кибитке. Она не знала, зачем это делает, но ее пальцы уже нащупали щель в кошме. Черные, как у джигитов, глаза, которые не раз поспевали в своих стихах юноша Махтумкули, влажно заблестели под лунным светом.

Перед Махтумкули, позорно убрал со рта лямку, стояла младшая жена Сейидбая Акнур, известная многим джигитам аула. Играя и глазами, и бровями, она рассматривала новенькую гуля-

ку, только что полученную из рук поэта. Неужели сердце не горит, неужели оно спокойно? Почему он заставляет ее так долго ждать? Ведь ее заметят, заметят и запылят. А позорение к молодой незамужней женщине, известно каждому, пахнет кровью. Но зато никому неведомо, как Менгли жаждет послушать бием этого сердца, послушать близко-близко, рядом со своим, прижавшись к широкой груди.

Вдруг перед глазами Менгли поплыли разноцветные кружева, и в мелких волнах она увидела широкий, как ластовица Гургена, чистый лоб с бусинками пота, черные мягкие усы под горбатым носом, большие мужественные губы и выгнутой боковой перед красивой бородой. Человек одной рукой поднимал кувалду и другой, придерживая в тисках кусок серебра, с силой бил по нему. Раздался глухой удар и звон, опять удар и звон... О, если он хоть на миг отвернет свой взор и взглянет на нее, Менгли не выдержит.

На лбу человека показались хвостинки, и к Менгли подлилась горсть кем-то пуценной по арыку соломы. Она очнулась, как от сладкого сна. Плыла «граница» — мерка воды. Доливает соломой до земли дехканя и не пущай к нему воду. Хватит ли ее для полива — никто не спросит. И где-то кусочек земли останется так же, как и Менгли, не утолвшимся своим жаждущим...

Менгли подняла голову и оглянулась. С гор под лав соблаку спускались вечерние сумерки. Далеко на скале блестя звездочка: чабаны готовили ужин.

Сколько Менгли просидела? Надо немедленно уходить, Махтумкули... не пришел! Менгли встала. Но в это время из кибитки донесся женский голос, нежный, лирический. Менгли по голосу узнала и маленькие губки, вздрагивавшие, сжимались до боли.

Менгли не заметила, как подошла к кибитке. Она не знала, зачем это делает, но ее пальцы уже нащупали щель в кошме. Черные, как у джигитов, глаза, которые не раз поспевали в своих стихах юноша Махтумкули, влажно заблестели под лунным светом.

Перед Махтумкули, позорно убрал со рта лямку, стояла младшая жена Сейидбая Акнур, известная многим джигитам аула. Играя и глазами, и бровями, она рассматривала новенькую гуля-

ку, только что полученную из рук поэта. Неужели сердце не горит, неужели оно спокойно? Почему он заставляет ее так долго ждать? Ведь ее заметят, заметят и запылят. А позорение к молодой незамужней женщине, известно каждому, пахнет кровью. Но зато никому неведомо, как Менгли жаждет послушать бием этого сердца, послушать близко-близко, рядом со своим, прижавшись к широкой груди.

А. АГАБАЕВ.

ее характера хорошо схвачены Э. Оразмуродовой.

И еще одна удача — дебютанта Ораз Черкезова в роли Човдур. У Черкезова есть сильный соперник — опытный актер Союн Амангельдыев, завоевавший симпатии зрителей в роли Човдур. Молодой актер не повторяет своего коллегу, он по-своему трактует образ воинственного и темпераментного друга поэта. Човдур в его исполнении — горячий, страстный, непосредственный, но это не отчаянная сорвиголова и анархическая натура, как подает его Союн Амангельдыев. У О. Черкезова Човдур не только горячий, но и умный, он — человек духовно богатый, тонко чувствующий, влюбленный в поэзию, у него очень развито чувство такта (всего этого, и сожалеть, мы не ощущаем у С. Амангель-

НА СНИМКАХ: сцены из спектакля. Менгли — Лиза Караева (в центре) среди подружек хан хивинский — народный артист ТССР Ата ДУРДЬЕВ и реинс — Аман КУРБАНМУРАДОВ.

ВВЕРХУ: Махтумкули — народный артист СССР, Аман КУЛЯМЕДОВ. Фото К. ТОВЛИ.